

Устименко Дмитрий Леонидович

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА

В статье обосновывается, что проблема антропогенеза является эпистемологической. Антропогенез есть "знание", соответствующее конкретной антропологии. Его интерпретативная принадлежность придает ему характер Феномена, подлежащего артикуляции из непосредственных проблем и содержания историографии по антропогенезу. "Истина" антропогенеза зависит от методологии его познания. Перспективным представляется подход, осмысляющий антропогенез с точки зрения возможности уже разумного, уникального и целостного бытия человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 185-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Для освещения культурной жизни республики в 1997 г. правительством Ингушетии был учреждён литературно-художественный журнал «Литературная Ингушетия», который стал выходить на ингушском и русском языках. Инициатором образования журнала и его главным редактором вплоть до своей смерти был Абу Мальсагов.

Таким образом, несмотря на тяжёлое положение, в котором находилась Ингушетия в годы своего становления, культурная сфера её развитие получила, пожалуй, наиболее полное развитие. Представители ингушской интеллигенции, работавшие в бывшей Чечено-Ингушетии, продолжили творить в новой Ингушетии, благодаря чему в республике с самого начала её существования продолжились развиваться традиционные для неё виды культуры. Проблемы в сфере культуры не оставались без внимания местных и центральных властей.

Список литературы

1. Адам Мальсагов – пресс-секретарь постоянного представительства РИ в Москве // Эхо Кавказа. М., 1995. № 2. С. 30-32.
2. Ингушетия-2010: календарь памятных и знаменательных дат / Национальная библиотека Республики Ингушетия; сост. Д. М. Албакова. Орджоникидзевская, 2009. 160 с.
3. Ингушетия в цифрах: статистический сборник. Магас, 2003. 231 с.
4. История Ингушетии / ИНИИГН им. Ч. Ахриева. Магас: Тетраграф, 2011. 484 с.
5. Отчёт Министерства культуры РИ. 1998 г. // Архив Министерства культуры Республики Ингушетия.
6. Отчёт Министерства культуры РИ за 2003 год // Архив Министерства культуры Республики Ингушетия.
7. Патиев Я. Республика Ингушетия. События и люди: энциклопедия: 1992-2008 годы. Махачкала: Лотос, 2008. 272 с.
8. Сборник законов Республики Ингушетия. Магас: Полиграфический комбинат, 1999. Вып. 5. 184 с.
9. Справка о проделанной работе Министерства культуры РИ за первое полугодие 2002 г. // Архив Министерства культуры Республики Ингушетия.
10. Точнева Л. М. Культурное развитие в Ингушетии // Ингушетия. 2003. 12 марта.
11. Хаутиев Р. С. Ингушетия в период трансформации российского общества в 90-е годы XX века: дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2005. 167 с.
12. http://www.ingush.ru/serdalo137_3.asp (дата обращения: 02.08.2015).

CULTURAL DEVELOPMENT IN INGUSHETIA IN THE 90S OF THE XX CENTURY

Uzhakhov Bekkhan Magometovich

Ingush State University
bechan2014@yandex.ru

The cultural sphere of social life takes an important place in the formation of national statehood. Ingush culture in the 90s of the XX century developed rapidly, in spite of difficult situation in the Republic and the absence of normal working conditions. The article examines the basic developmental trends of Ingush culture and the activity of the government of the Republic in that direction.

Key words and phrases: culture of the Ingush people; dance ensembles; museums; libraries; Ingush painters.

УДК 167.7

Философские науки

В статье обосновывается, что проблема антропогенеза является эпистемологической. Антропогенез есть «знание», соответствующее конкретной антропологии. Его интерпретативная принадлежность придает ему характер феномена, подлежащего артикуляции из непосредственных проблем и содержания историографии по антропогенезу. «Истина» антропогенеза зависит от методологии его познания. Перспективным представляется подход, осмысляющий антропогенез с точки зрения возможности уже разумного, уникального и целостного бытия человека.

Ключевые слова и фразы: антропогенез; целостность; методология; сознание; эпистемический подход; истолкование.

Устименко Дмитрий Леонидович, к. филос. н., доцент

Московский технический университет связи и информатики (Северо-Кавказский филиал) в г. Ростове-на-Дону
UstimenkoD2006@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА[©]

Актуальность вопроса о происхождении человека не вызывает сомнений. Как обращенный к первоисторической реальности, к абсолютному началу истории, он не только для жизни каждого отдельного человека, но и для всего человечества, единой мировой культуры имеет, очевидно, критериально-смысловое («эпистемологическое»)

значение. Особенность ответа на него отражается практически на всех определениях форм человеческого бытия. Это принципиальный философский вопрос, от ответа на который зависит смысл практически всех онтологических, экзистенциальных проблем существования человека.

Именно поэтому антропогенетическое познание требует серьезного философско-методологического осмысления. Оно имеет особый теоретический интерес. Его обращенность к идее *причины* антропоисторического начала включает в себе аспект теоретической принципиальности, причем, не на уровне «веры», догматического «убеждения», «гипотезы», но именно на уровне своего «истинного» знания. Тема антропогенеза – это тема познания сущностного бытия человека и, в первую очередь, природы его знания, позволяющая, например, Гуссерлю высказать «возвратное» необходимое требование «обращения к сущностному [в] истории» и «открытию исторического смысла изначальности», чтобы «придать всему становлению знания свойственный ему устойчивый истинностный смысл» [5, с. 242].

Очевидно, антропогенез не есть нечто «само собой разумеющееся», поскольку он уже есть некий «образ знания» и, как явление, относящееся к человеку, сам в себе предполагает измерение «знания», «сознания». Будучи «объективным» событием космической «истории» и уже свершившимся фактом, сам он может актуализироваться, объясняться, обосновываться лишь в качестве «предмета знания». Интерпретативная – «герменевтическая» – принадлежность относит его к эпистемической плоскости как Феномен, который подлежит артикуляции единственно из непосредственных проблем и содержания мировой историографии.

Эпистемический масштаб представления проблемы антропогенеза исходит из понимания, что весь объем накопленного человечеством знания, в каких бы формах оно не существовало, на какие бы сферы оно не делилось по существу остается принадлежностью человека как «продукт» его творчества. История этого творчества (мирового знания), где прошлое «отчетливо» проявляет «связь с настоящим и будущим» [3, с. 247] есть не просто «движение культуры», по слову Я. Буркхардта, но в своей ретроспекции она «смыкается» на антропогенетическом смысле изначального знания, первознания (первокультуры) первочеловека. Ведь антропогенез по смыслу своего понятия есть «процесс» возникновения человека (а не «продукта естественного отбора») или «позднего итога развития Земли», как говорится в современном учебнике по биологии), а значит такой «антропологической реальности», которая уже в изначальности происхождения содержит свою природную (физическую и духовную) целостность.

Многие современные подходы к этой проблеме упускают из виду эту «целостность», демонстрируя не вполне критичную установку ее понимания, отличающуюся познавательной «фрагментарностью» (редукционизмом) и «отклонением» от данной «априорной» идеи. Вспоминаются слова Л. Витгенштейна, что «априори верной мыслью была бы такая, возможность которой обеспечивала бы и ее истинность» [4, с. 11], но человек не просто «возможен» – он уже необходимо есть в своей целостности, неделимости, есть «для себя» в полном феноменологически абсолютном самосознании. «Человек может быть только тем, что он есть» (Плутарх), поэтому рассуждать о своем генезисе может только из собственной «завершенности». Самоданная целостность человека только и может являться условием и *критерием* подлинного познания антропогенеза.

Сегодня невозможно представить иного, не современного типа (*sapiens*) человека, не имеющего сложной (морфо- и физиологической) конституции, не имеющего разума, не обладающего речью, способностью к познанию, творчеству, символическому поведению. Латинское слово «*sapiens*» означает не только «разумный»: в качестве существительного оно имеет соответствия понятиям «философ», «образ», «метод», «Соломон». В качестве же прилагательного оно синонимизирует с такими понятиями, как «мудрый», «осведомленный», «знающий», «благоразумный», «умнейший», «справедливый». Конечно, «понятие “человек”, – как замечает М. Шелер, – содержит коварную двусмысленность». С одной стороны, оно «указывает на особые морфологические признаки, которыми человек обладает как подгруппа рода позвоночных и млекопитающих», но, в то же время, «слово “человек” должно означать совокупность вещей, предельно противоположную понятию “животного вообще”» [11, с. 135], которое основоположник философской антропологии называет «духом», «самосознанием» [Там же, с. 71], «самопониманием» [Там же, с. 73], наконец, «знанием» [Там же, с. 36], являющимся «сущностным понятием человека».

Подразумевая как минимум эту природную двойственность человека, можно допустить, что проблема антропогенеза – это проблема способа его интерпретации, основанного на том «антропологическом образе», который мировоззренчески принимает интерпретатор. Однако тогда возникает вопрос об идентичности «современного» (в антропогенетическом смысле) человека и, соответственно, о единственности самого антропогенеза, ведь не секрет, что сегодня существует «многомерный образ человека» или, по другому, множество «антропологических образов» и парадигм, от «натуралистического» до «рационального» и даже «библейского». Если признавать возможность истинности разных объяснений антропогенеза, то тогда не менее актуальными оказываются вопросы о действительности единства мировой исторической жизни, о возможности культурной коммуникации внутри «человеческого рода», об истинности и объективности знания, соответственно, об универсальности нравственного характера человека.

Когда речь идет о происхождении человека, то имеется в виду как раз «современный человек», «соприкасающийся», «относящийся» к своему «генезису». В реальности антропогенетического «события» нельзя не увидеть эти две стороны – «генетическую» и уже «антропологическую». В современной науке, которую поддерживают многие, особенно европейские, философы и богословы, антропогенез принято сознать из генетического аспекта. В естественнонаучной антропологии считается обязательным «объяснить», «доказать», «открыть причины» тех биохимических, как принято думать, эволюционных, процессов, которые определили возникновение человека разумного. Человек мыслится происшедшим «из природы» в результате эволюции,

так называемого «прородогенеза человека, который на уровне индивидуума представлен телесным субъектом» [1, с. 16]. Эта теоретическая тенденция в трактовке антропогенеза принимается в современной эпистемологии, несмотря на то, что для эволюционной антропологии проблема разума остается гипотетической – открытым «камнем преткновения». Как отмечает И. П. Меркулов, «неприемлемость дуализма как способа решения проблемы духовного и телесного, конечно, не означает, что появились какие-то бесспорные решающие аргументы в пользу редукционизма (редуктивизма)» [8, с. 36]. В современной эпистемологии, по его словам, речь идет лишь о «гипотезе тождества физического и психического», которую «нельзя рассматривать как достаточно хорошо подтвержденную» [Там же]. Мало того, «эвристичность» эволюционной трактовки зависимости психического от физического обеспечивает «вера»: «без веры в наличие каких-то корреляций между психическими и физическими процессами невозможно осуществлять соответствующие поиски в нейробиологии, нейрофизиологии и т.д.» [Там же]. По точному выражению З. М. Оруджева, «Великий Дарвин и его последователи не объяснили, откуда и как произошли... изменения, которые наделили собственно биологическое “тело”... принципиально иными способностями. До сих пор никто так и не объяснил после открытия Дарвина, почему и каким образом животное “превратилось” в существо, которое живет принципиально иначе, управляясь не только и не столько инстинктами, а специфическим и универсальным мышлением» [10, с. 15].

Проблема возможности жизни и сознания, его изначально-подлинного интенционального смысла, по нашему мнению, и образует узловую проблему антропогенетического познания. В данной связи трудно исключить мысль, что в интуиции данного феномена (антропогенеза) содержится его «невозможность». Говоря словами М. К. Мамардашвили, «в строгом смысле слова жизнь невозможна... мысль также невозможна... Есть лишь причины, чтобы мысли не было, и нет никакой причины, чтобы она была» [7, с. 543].

Когнитивный аспект образует исходное методологическое основание при познании антропогенеза. Такой подход можно было бы назвать «философским», поскольку в нем ключевым измерением человека подразумевается его сознание, ведь понятие «сознания» функционирует, по выражению В. И. Молчанова, в «неустрашимости из любого вопроса о сознании и вообще из любого вопроса» [9, с. 37]. Конечно, разум (сознание, дух, ментальность) принимаются и в религиозной доктрине, видящей сущность первоизданного образа человека именно в его разуме; нельзя отрицать, что и в научной парадигме антропогенез немислим вне «антропосоциогенеза», а значит, без определенной трактовки наличия у первых людей мышления. Однако методология обоснования антропогенеза в указанных подходах (научном и религиозном) отличается, на наш взгляд, опосредованным, косвенным и, с точки зрения методологической строгости, гипотетико-вероятностным характером. Целостное самосознание, акцентирующее внимание на предельном «трансцендентальном» генезисе присущего человеку знания, не является руководящим и тематизированным методологическим принципом в этих эпистемологических областях. Реальность происхождения человека оказывается проблемой ее интерпретации изнутри наличного мирового знания. Она не является, как это сегодня преобладает, локальной темой биологической антропологии с ее эволюционным воззрением и вероятностной дедуктивно-экспериментальной методологией.

Итак, в контексте «плюральности» современного знания, многообразия антропологических парадигм и учений ответ на вопрос о происхождении человека оказывается существенно связанным со спецификой методологии его познания. И в этой связи, философско-методологическая демаркация антропогенетического знания предстает самой существенной проблемой при обосновании «подлинного» понимания антропогенеза. С этим же связана и проблема выбора «демаркационного критерия».

Сразу можно заметить, что антропогенез, именно в смысле обозначенной целостности первочеловека, составляет, по крайней мере, формально, ключевое – методологическое – условие собственной интерпретации, поскольку он видится единой методологической «точкой» совпадения всех возможных познавательных, и не только антропологических, парадигм, интерпретации мира и человека. По идее, в «антропогенетической точке» находится методологический «ретроспективный фокус» всякого знания. В нем религиозное, философское, научное и всякое другое познание «совпадают» и «примиряются». В перспективе данного понимания проблема антропогенеза приобретает собственное методологическое измерение: она оказывается «масштабом истинности» всякой истины, придающей жизни и истории смысл.

Несмотря на многочисленные современные работы по антропогенезу, имеющие в основном сциентистский и эволюционный характер, решение антропогенетического вопроса, очевидно, не может ориентироваться только на естественнонаучные гипотезы и теории. Антропогенез как «предмет познания» уже находится в эпистемологическом поле осмысления, уже так или иначе в тех или иных культурах и учениях интерпретирован, поэтому его понимание, по меньшей мере, в качестве условия должно включать в себя анализ мирового антропологического знания. Ведь человек, несмотря на «эмпирическую очевидность», оказывается «наиболее сложной из систем», что делает необходимым выявление в антропологии, по мнению Е. Г. Пономарева, «междисциплинарных характеристик инновационных течений и определение исследовательских перспектив» [6, с. 5]. В свете идеи интерпретации многообразия антропогенетических парадигм, антропогенез предстает проблемой герменевтической, а значит проблемой, могущей решаться, в том числе, в парадигме гуманитарного познания, где главным объектом является, по слову М. М. Бахтина, «текст – первичная данность [реальность] и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [2, с. 292]. В силу своей, как отмечалось выше, «истинно-демаркационной» и жизненно-смысловой значимости познание антропогенеза неотделимо от конкретной эпистемологической (текстовой) интерпретации. И более того, интерпретации, по нашему мнению, должны подлежать методологические и, в том числе, культурно-мировоззренческие источники самих существующих интерпретаций антропогенеза.

Список литературы

1. Анкудинова П. М. Человек в антропном мире: философия эволюционизма XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. I. С. 15-18.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / пер. с нем. Изд-е 2-е. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем.; составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой; пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1-73.
5. Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
6. История и методология антропологии: учебное пособие / отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. 292 с.
7. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
8. Меркулов И. П. Когнитивная модель сознания // Меркулов И. П. Эволюция. Мышление. Сознание (когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон+, 2004. С. 35-65.
9. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с.
10. Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории / предисл. В. А. Лекторского. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 445 с.
11. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 413 с.

PROBLEM OF ANTHROPOGENESIS COGNITION METHODOLOGY

Ustimenko Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Moscow Technical University of Communications and Informatics (North Caucasian Branch) in Rostov-on-Don
 UstimenkoD2006@yandex.ru

It is grounded in the article that the problem of anthropogenesis is an epistemological one. Anthropogenesis is “knowledge” that corresponds to a particular anthropology. Its interpretative characteristic gives it a nature of Phenomenon, which is liable to articulation from the immediate problems and content of historiography in anthropogenesis. The “truth” of anthropogenesis depends on the methodology of its cognition. The approach that comprehends anthropogenesis in terms of the possibility of already rational, unique and holistic existence of a person seems to be promising.

Key words and phrases: anthropogenesis; integrity; methodology; consciousness; epistemic approach; interpretation.

УДК 009

Культурология

В статье рассматриваются истоки зарождения межкультурной коммуникации как междисциплинарного направления научной мысли. Межкультурная коммуникация как область знания показана на фоне социокультурной и экономико-политической ситуации послевоенного мира. В то же время в статье отражены основные точки соприкосновения данного научного направления с другими областями гуманитарных исследований. Новизна статьи заключается в том, что в коротком обзоре в ней показано зарождение одного из наиболее активно развивающихся в наши дни направлений социально-гуманитарных исследований.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; глобализация; послевоенный мир; гуманитарные науки; психология; психолингвистика; лингводидактика; язык.

Флеров Олег Владиславович, к. пед. н.
 Московский университет имени С. Ю. Витте
 olegflyoroff@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ[©]

В последнее время очень много говорится о различных вопросах межкультурной коммуникации как диалога культур. Межкультурная коммуникация (или как ещё её иногда называют «кросс-культурная коммуникация») традиционно понимается как процесс взаимодействия и мотивированного им общения представителей разных культурных сообществ. При этом проблемы коммуникации актуализируются, если хотя бы один из коммуникантов вынужден общаться на неродном для себя языке. Именно поэтому на практике о межкультурной коммуникации говорят чаще всего применительно к изучению иностранных языков.

[©] Флеров О. В., 2015